

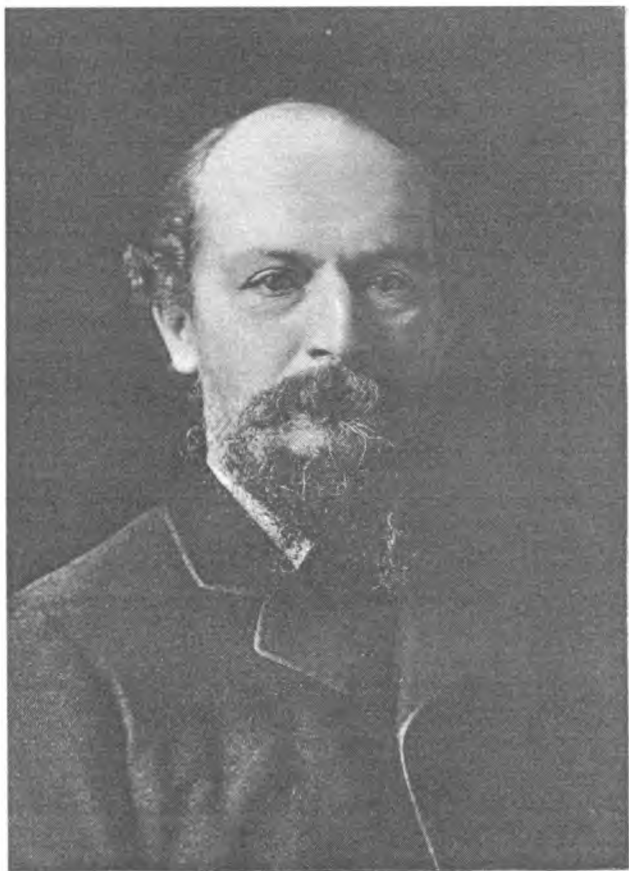
АЛДЖЕРНОН ЧАРЛЗ СУИНБЕРН

САД ПРОЗЕРПИНЫ

СТИХИ

Изд-во «Пушкинского фонда»
Санкт-Петербург
2003

ELLIOTT & FRY PHOTO

Al Swinburne

АЛДЖЕРНОН ЧАРЛЗ СУИНБЕРН

САД ПРОЗЕРПИНЫ

СТИХИ

Перевод, предисловие и примечания
ГЕОРГИЯ БЕНА

**Изд-во «Пушкинского фонда»
Санкт-Петербург
2003**

ББК 84. Р7
С 56

ISBN 5-89803-109-X

© Г. Бен, 2003.

АЛДЖЕРНОН ЧАРЛЗ СУИНБЕРН (1837–1909)

Английский поэт Алджернон Чарлз Суинберн родился 6 апреля 1837 года в Лондоне в семье адмирала Чарлза Генри Суинберна. В детстве он находился под сильным влиянием своего деда — заядлого галломана, родившегося и выросшего во Франции, поклонника Мирабо, — и своей матери, получившей воспитание во Флоренции; с детства будущий поэт был обучен французскому и итальянскому языкам. Учась в аристократической школе в Итоне, он, в отличие от своих сверстников, не слишком увлекался спортом (кроме плавания — он стал отличным пловцом), но уделял все свободное время чтению и дни проводил в школьной библиотеке. Он особенно души не чаял в Шекспире и в его современниках — Марло, Форде, Уэбстере (с тринадцати лет Алджернон начал коллекционировать редкие издания драматургов шекспировской эпохи), с увлечением читал стихи Шелли и Китса, а также (в подлиннике) «Неистового Роланда» Ариосто и трагедии Корнеля (Расина же он терпеть не мог). В 1851 году, прочтя по-французски «Собор Парижской богородицы», он на всю жизнь стал поклонником Виктора Гюго. Тогда же, в Итоне, Алджернон начал писать стихи; его элегии в древнегреческой манере печатались в школьном журнале. Кроме чтения и стихотворчества он посвящал много времени (гораздо больше, чем того требовала школьная программа) изучению древних языков, свободно читал по-гречески и по-латыни своих любимых античных классиков:

Эсхила, Сапфо и Катулла. В 1852 году он получил внутришкольную премию за сочинение «Древнегреческие поэты» и премию принца-консорта за успехи в изучении современных языков. Возможно, поэтому Суинберна недолюбливали его одноклассники, для которых важнее всего были футбол и крикет, — а также, может быть, еще и потому, что он был рыжий.

В 1856 году Суинберн поступил в Оксфордский университет, где его наставником стал выдающийся ученый-эллинист Бенджамин Джоэтт. В Оксфорде Суинберн познакомился с поэтом и художником Данте Габриэлем Россетти, с которым сдружился на всю жизнь. Тогда же сформировались и его политические взгляды: из примерного воспитанника аристократической школы он превратился во врага церкви и пылкого республиканца. В комнате у него висел портрет Джузеппе Мадзини; в 1857 году он написал «Оду Мадзини», воспевавшую национально-освободительное движение в Италии. Вскоре после этого Суинберн впервые поехал за границу: провел несколько месяцев во Франции. Во время его пребывания в Париже, в январе 1858 года, итальянский революционер Феличе Орсини совершил неудачное покушение на Наполеона III (покушавшийся был арестован и впоследствии казнен). Вернувшись в Оксфорд, Суинберн повесил у себя в комнате портрет Орсини.

В 1860 году Суинберн опубликовал свои первые произведения — стихотворные драмы «Королева-мать» (*The Queen Mother*) и «Розамунда» (*Rosamond*), не имевшие успеха. Немногочисленные рецензии на них были убийственными.

В 1860 году, после университета, Суинберн поселился в Лондоне и посвятил себя литературе. В 1862 году журнал «Спектейтор» напечатал его первые лирические стихи и большую статью о сборнике стихов

Бодлера «Цветы зла». Следующей публикацией стала напечатанная в 1865 году стихотворная трагедия «Аталанта в Калидоне» (*Atalanta in Calydon*) по мотивам древнегреческого мифа, сразу же сделавшая молодого поэта знаменитым: в ней он показал себя мастером звучного, чрезвычайно мелодичного стиха. В том же году он опубликовал стихотворную трагедию «Шастеляр» (*Chastelard*) — о молодом французском придворном Марии Стюарт: эта трагедия, вместе с написанными позднее трагедиями «Босуэлл» (*Bothwell*, 1874) и «Мария Стюарт» (*Mary Stuart*, 1881), составила драматическую трилогию о шотландской королеве XVI века. Некоторые критики осторожно журили «Шастеляра» за излишнюю, по их мнению, чувственность, но уж совсем ожесточенные нападки вызвал вышедший в апреле 1866 года сборник Суинберна «Стихи и баллады» (*Poems and Ballads*), испровергавший каноны викторианской поэзии. В «Стихах и балладах» Суинберн почти забыл о своих революционных настроениях и обратился к темам, считавшимся тогда запретными (изображение плотской любви, внебрачных связей, лесбиянства и т. д.) — например, в таких «неприличных» стихотворениях, как «Интерлюдия» (*An Interlude*), «Любовь и сон» (*Love and Sleep*), «Сапфические строфы» (*Saphics*) и т. д., или совершенно языческий по духу «Сад Прозерпины» (*The Garden of Proserpine*). Викторианский читатель был шокирован: это было не удивительно в эпоху, когда все увлекались поэзией и часто читали стихи вслух в чинных гостиных перед родственниками, детьми и барышнями на выданье. Позднее критик сэр Эдмунд Госс, который в 1866 году был студентом в Оксфорде, сравнил тогдашнюю английскую поэзию, равняющуюся на Альфреда Теннисона, с аккуратно подстриженным французским парком, в который «под

бой барабанов и гром литавр ворвался молодой Вакх, к безмерному ужасу мирно пасшихся ланей»*. Большинство газет и журналов поносило «безнравственность» поэзии Суинберна, хотя по крайней мере один из журналов — «Атенеум» — в очень недоброжелательной рецензии Роберта Бьюкенена все же отметил красоту звучания стихов Суинберна и их ритмическое богатство. Критик Джон Морли в рецензии, помещенной в журнале «Сатерди ревью», даже обратился к ранее им похваленной трагедии «Аталанта в Калидоне» в поисках аморальности и атеизма Суинберна. Журнал «Панч» издевательски переименовал фамилию Суинберна в «Суайнборн» (то есть «рожденный свиньей»). В июне испуганный издатель Эдуард Моксон изъял «Стихи и баллады» из продажи, но в октябре этот сборник был переиздан другим издателем — Джоном Кэмдэном Хоттенем, которому поэт отдавал печатать все свои последующие произведения. Такого литературного скандала Англия не знала со времен байроновского «Дон Жуана». Суинберн стал символом викторианского поэтического бунта. Поэтому, в отличие от высоколобых критиков, молодежь (особенно студенческая) восторженно приветствовала поэта, увидев в его творчестве поэтическое новаторство, и он стал ее кумиром**. Молодой Томас Гарди, как он позднее вспоминал, был совершенно без ума

* E. Gosse. The Life of Algernon Charles Swinburne, 2nd ed. — Bonchurch edition of the complete works of A.Ch.Swinburne in 20 vols. London, 1927. Vol. 19, pp. 126–127.

** Любопытно, что советские литературоведы переняли это викторианское противопоставление — с точностью до наоборот: Суинберна объявили «прогрессивным», а Теннисона — «реакционным» поэтом (напр., см.: Л. М. Аринштейн. Прогрессивные общественно-политические тенденции в английской поэзии 50-х — 70-х годов XIX века. «Росвузиздат», 1963.

от суинберновской поэзии и почти все «Стихи и баллады» выучил наизусть. За Суинберна вступился и влиятельный критик Джон Рескин, поместивший в журнале «Икзаминер» восторженную рецензию на «Стихи и баллады». Уильям Майкл Россетти опубликовал в защиту Суинберна целую брошюру под названием «Сборник Суинберна “Стихи и баллады”: критическое рассмотрение». Да и сам Суинберн дал сдачи: летом 1866 года он вызывающе выпустил со своим предисловием сборник избранных стихов лорда Байрона (которого тогдашнее «приличное общество» тоже держало на коротком поводке) и ответил своим критикам дерзкой статьей «Заметки о поэтах и рецензиях».

Суинберн надолго стал самым обсуждаемым литератором в Англии. Обсуждаемым — да, но вряд ли можно, как делали советские литературоведы, говорить о «травле» Суинберна и о желании «буржуазных» критиков «разделаться» с ним*. Так, когда Джон Морли, раньше «разделявавшийся» с Суинберном, в 1867 году стал редактором журнала «Фортнайтли Ревью», он начал регулярно помещать в нем критические очерки Суинберна. А критик Томас Спенсер Бэйнс, «травивший» Суинберна в «Эдинборо Ревью», то и дело заказывал Суинберну статьи для 9-го издания «Британской энциклопедии», в которой он работал одним из редакторов. Стало быть, злокозненные «буржуазные» ненавистники поэта, вместо того чтобы «разделаться» с ним, все же за что-то его ценили и поощряли.

В это же время Суинберн подтвердил в глазах «приличного» общества свою одиозную репутацию, вступив в открытую связь с четырежды разведенной актрисой Адой Айзекс Менкен (она умерла в Париже

* Л. М. Аринштейн, ук. соч., с. 91.

летом 1868 года). Паршивой овцой «приличного общества» Суинберн сделался еще и потому, что прошел слух (далеко не ложный), что он чересчур закладывает за галстук.

«Стихи и баллады» стали высшим поэтическим достижением Суинберна — в дальнейшем его творчество шло по нисходящей. В конце 60-х и начале 70-х годов он писал главным образом политические стихи: поэму «Песнь об Италии» (Song of Italy, 1867), сборник стихов «Предрассветные песни» (Songs before Sunrise, 1871). Возможно, здесь сказалось влияние его кумира Джузеппе Мадзини, с которым Суинберн лично познакомился в Лондоне в 1867 году. Эти стихи прошли почти незамеченными: в них Суинберн хотя и воспевал революцию, но не в своей демократической Англии, где политический строй его вполне устраивал, а в мятежной Италии, где достигло апогея национально-освободительное движение «Рисорджименто», которому британский истеблишмент вполне сочувствовал; и эти стихи, конечно, никого не шокировали. В стихотворении «Призыв» (An Appeal) поэт назвал Англию «скалой политического убежища» и порицал ее лишь за то, что она ничего не делает для торжества свободы в других странах; он призывал:

Англия, вольности мать,
Видя, как люди страдают
Вдали от твоих берегов,
Прости свою длань, чтоб спасти
Тех, кто свободы не знает...*

Конечно, он был прав: Англия тогда действительно была самой свободной страной Европы, и Суинберн,

---

* A. Ch. Swinburne. The Poems in 6 volumes. «Chatto And Windus», London, 1904. Vol. 2, p. 211–214.

по меткому выражению советского исследователя, призывал «к экспорту английской социально-политической системы в другие страны»*.

Вторая серия «Стихов и Баллад» (Poems and Ballads, 2nd Series), вышедшая в 1878 году, в основном повторяла мотивы 1-й серии того же названия, но «запретные темы» здесь звучали реже и глуше. Этот сборник не вызвал сенсации (все это было уже не ново), хотя и он подвергся некоторому разносу — за то же, за что и раньше (прежде всего, за «языческий дух», за пантеизм, — должно быть, критики считали, как впоследствии иронически заметил Пристли, что «стоит нам, например, всего час почитать Суинберна, и мы становимся образцовыми язычниками»**); и действительно, во 2-й серии «Стихов и баллад», как и в 1-й, мы находим необыкновенно красивые, эстетские, «языческие» стихи — например, «Покинутый сад» (A Forsaken Garden). Одновременно Суинберн перевел многие баллады Франсуа Вийона, которые он включил во 2-ю серию «Стихов и баллад», и написал по-французски большую работу о творчестве поэта-парнасца Огюста Ваккери («Auguste Vaquerie»), опубликованную в Париже в 1875 году.

В 1879 году здоровье Суинберна, подорванное алкоголизмом и беспорядочной жизнью, насыщенной мимолетными романами, настолько ухудшилось, что его близкий друг, адвокат Теодор Уоттс-Дантон, убедил его оставить съемную квартиру в Лондоне и переехать к нему в Патни (предместье Лондона), где у него был собственный дом. В этом доме, под неусыпным надзором и заботой семьи Уоттс-Дантона, здоровье Суинберна полностью восстановилось, и поэт

* Л. М. Аринштейн, ук. соч., с. 97.

** Дж. Б. Пристли. Заметки на полях. «Прогресс», Москва, 1988, с. 39.

прожил там последние 30 лет своей жизни, неустанно работая над новыми книгами: за это время, помимо множества стихов, он написал два романа (один из них остался неоконченным) и свои важнейшие литературоведческие работы (о Чосере, Шекспире, Марло, Бене Джонсоне, Блейке, Байроне, Шелли, сестрах Бронте, Диккенсе, Данте, Вийоне, Микеланджело, Гюго, Бодлере и т. д.). Многие современные исследователи считают, что «Суинберн был не только великим поэтом, но и одним из великих критиков»*. В Патни Суинберн закончил вышеупомянутую драматическую трилогию о Марии Стюарт, написал поэму «Тристрам из Лионнеса» (*Tristram of Lyonesse*, 1882) по мотивам легенд о короле Артуре, историческую трагедию «Марино Фальеро» (*Marino Faliero*, 1885) на сюжет, использованный до него лордом Байроном, и выпустил сборники стихов: «Опыты песен» (*Studies in Song*, 1880), «Столетие ронделей» (*A Century of Roundels*, 1883), «Летний отдых» (*A Midsummer Holiday*, 1884), «Астрофел» (*Astrophel*, 1894) и др. Но в свои последние годы Суинберн стихов почти не писал, а занимался в основном литературоведением и художественной прозой: опубликовал роман «Встречные течения любви» (*Love's Cross-Currents*, 1901) и не успел закончить роман «Лесбия Брэндон» (*Lesbia Brandon*, изд. 1952). Он скончался в Патни 10 апреля 1909 года, бормоча по-гречески строки Эсхила и Сапфо. Похоронили его в Бончерче, на острове Уайт, где был загородный дом его родителей и где он провел свое детство.

В последних сборниках стихов Суинберна преобладает любовная, пейзажная, философская лирика, часто появляется тема рока, невозможности счастья.

---

* С. К. Hyder. Introduction. In: С. К. Hyder (ed.). *Swinburne as Critic*. «Routledge & Kegan Paul», London & Boston, 1972, p. XI.

Встречаются у него, как в дни его юности, и гражданские мотивы, тема обличения тирании и угнетения людей, но не в Англии, а в недемократических странах — например, в России («На спуск “Ливадии”», *The Launch of Livadia*). Все это не расходилось с английским общественным мнением, которое относилось к царской России весьма неприязненно; так что позднее творчество Суинберна никого не возмущало и не шокировало; а перестав шокировать, оно породило равнодушие к поэту. Теперь его стихи вполне можно было без опаски давать читать молодым барышням на выданье. Так что Суинберн вошел в то самое «приличное общество», которому он когда-то бросал вызов, он стал почтенным поэтом и литературоведом.

Свои лучшие стихи Суинберн написал, когда ему еще не было сорока, — и в последующие годы он повторял свои стихотворческие достижения юных лет. Он обновил систему английской просодии, окончательно утвердил в поэзии трехсложные размеры и дольник, освоил новые ритмы. Поток аллитераций, сложная система многократной рифмовки, яркая и необычная метафористика придают стихам Суинберна особую красоту звучания и выразительность. Его стихи отличаются неослабевающей ритмической энергией, яркой мелодичностью, ораторской страстностью, естественным развитием избранной темы и насыщенной — хотя порой неточной или даже алогичной — образностью. Как выразился английский критик, «технически поэзия Суинберна была складом, который снабжал стихотворцев нескольких поколений поэтическими приемами и формами вплоть до 20-х годов XX века»*. Сумел ли переводчик передать всё это на русском языке, пусть судит читатель.

* B. Ford (ed.). *From Dickens to Hardy*. Vol. 6 of the *Pelican Guide to English Literature*. «Penguin Books», 1960, p. 93.

Как я пришел к Суинберну? На заре туманной юности — в середине 50-х годов — мне довелось прочесть по-английски роман Джека Лондона «Мартин Иден», где меня поразила своей звучностью и выразительностью стихотворная цитата — предпоследняя строфа из стихотворения Суинберна «Сад Прозерпины» (тем же самым поразившая, кстати, и самого Мартина Идена):

From too much love of living,
From hope and fear set free,
We thank with brief thanksgiving
Whatever gods may be,
That no life lives for ever,
That dead men rise up never,
That even the weariest river
Winds somewhere safe to sea.

Найдя в русском издании романа эту строфу, я был разочарован тем, что в ее переводе не осталось и следа от звучности и выразительности английского оригинала. Тогда я решил сам перевести эту строфу. То, что из этого получилось после многих переделок, вы можете прочитать в этой книге.

С этих строк началось мое увлечение Суинберном — а, может быть, и вся моя переводческая деятельность. В 60-е годы, переведя к тому времени уже около полутысячи строк Суинберна, я рискнул подать в ленинградское отделение издательства «Художественная литература» заявку на переводной сборник его стихов. Однако моя заявка была отвергнута: то ли потому, что Суинберн был слишком высоким трамплином для молодого переводчика (я не по чину брал),

то ли потому, что, как мне официально объяснили, хотя Суинберн и был человеком прогрессивных взглядов, республиканцем и врагом церкви, но он в то же время касался в своем творчестве неприличных тем, был эстетом и декадентом (что шокировало «буржуазных» читателей — и может шокировать советских). И вообще, он больше заботился о мелодичности своих стихов, чем об их идейной направленности. И то, и другое верно.

Сейчас, когда, я думаю, декадентские стихи Суинберна шокируют российских читателей не больше, чем «Конек-Горбунок» (скорее могут смутить его атеистические стихи, вроде «Уолту Уитмену в Америку»), я рискую предложить вам свои переводы суинберновских стихов. И если эти переводы недостаточно хорошо передают все особенности английского подлинника, я могу лишь, подобно Сервантесу, повторить слова Ариосто: «*Forse altri cantera con miglior plettro*» («Пусть другие спуют это с бóльшим поэтическим блеском»)*.

---

* Ариосто, «Неистовый Роланд» (Orlando Furioso), песнь XXX. Цит. по: Мигель де Сервантес Сааведра. Хитроумный идальго дон Кихот Ламанчский. Изд-во «Художественная литература», М., 1970. Том 1, с. 512.

Из сборника

«СТИХИ И БАЛЛАДЫ»
(«Poems and Ballads», 1866)

ГЕРМАФРОДИТ

I

Очнись и губы дай для поцелуя,
В слепой любви забудь покой ночей.
Всего, что умерло, твой рот мертвей:
Он только улыбается впустую.

Из двух любовей выбери любую —
Пусть даже всласть ты не упьешься ей.
Схватились две любви в груди твоей,
Пока одна не подомнет другую.

Их пламенем твой полыхает рот,
И плоть твоя дрожит от их дыханья;
И кто хоть раз тебя увидел, тот

Идет по кругу вечного терзанья:
Желанье в нем к отчаянью ведет,
Отчаянье рождает в нем желанье.

II

Во тьме, где меркнет явь, но медлят сны
И остается срок меж ними краткий,
Он и Она в животворящей схватке
Устами и телами сплетены,

Пока, от корчей освобождены,
Не вложат в поцелуй страстей остатки;
Но в них пылает пламя лихорадки:
Ни явь, ни сны над нею не властны.

Любовь тела сливает воедино;
Она войти и в твой хотела дом —
Но у порога Женщина с Мужчиной,

Как грех и смерть, дежурили вдвоем;
И вот Любовь, вздохнув, согнула спину
И тихо вдаль пошла своим путем.

III

Страсть или сон, плеск волн иль тьму глубин —
Что ты таишь в томящей тайне взгляда?
Цветы ли расцветающего сада
Иль нежную росу ночных долин?

Любовь — вокруг, она — наш властелин,
Но что тебе дает она в награду?
Ты не мужчина — женщинам в отраду,
Не женщина — отрада для мужчин.

Зачем безмозглый Бог взрастил прекрасным
Бесплодных двух цветов узор двойной?
Вспоил дождем, вскормил под солнцем ясным

И облик твой овеял красотой?
Затем, чтоб в одиночестве безгласном
Тебе пройти бесцельно путь земной?

IV

Да, то любовь! Нет, не любовь, а страх!
О нет, любовь! Она пришла неожиданно.
Зачем цветок расцвел благоуханно,
А вожденный плод под ним зачах?

Лишь за слезу любви в твоих очах
Кровь слез моих я лил бы непрестанно.
Жизнь, смерть, любовь — так жутки, так желанны,
Так дороги — придут и сгинут в прах.

О да, я видел: женские объятия
Воспламеняли взор твой, как огнем,
В мальчишеском дыхании твоём

Вдох слышался, и легких рук пожатье
Дрожь вызывало в теле молодом.
Но ведь любовь слепа: откуда знать ей?

ANIMA ANCEPS

Пока могилы
Слепая сила
Не погасила
    Сиянья глаз,
К чему моленья
Слова и пенье?
Всех ждет забвенье
    В урочный час.
Во мгле гробницы
Слезам не литься,
Не разгорится
    Любви экстаз,
Когда в покое
Ночной порою
Смерть вечной тьмою
    Укроет нас.

К чему бороться?
Жизнь в долг дается.
Платить придется —
    Мы всё вернем.
Где во вселенной
Смысл жизни брэнной?
Всё смерть мгновенно
    Прервет потом.
Смеясь, страдая,
Молясь о рае,
Удел свой зная,
    Мы к ней идем.
Смерть нас не спросит,
Смерть жатву косит
И всё уносит
    В свой темный дом.

Пусть шторм могучий
Сшибает тучи,
Пусть неминуемый
    Летит циклон, —
Ты с ветром бейся
И в трудном рейсе
Шути и смейся,
    Не покорен.
Уйдет страданье,
Умрут желанья,
Исчезнет знанье
    В час похорон.
Живи ж, как птица!
Зачем стремиться
Туда, где снится
    Лишь вечный сон?

РОКОКО

Расстанемся, рыдая,
Расстанемся, смеясь.
Опять и навсегда я
Уйду, с тобой простясь.
Любви уж нет спасенья,
И не добыть нам в ней
Напитка наслажденья
Из солода скорбей.

Расстаться нам случилось:
Пусть боги, поглупев,
Тебе подарят милость,
А мне оставят гнев.
Забудь, что тяжело мне,
Мечтай беспечно жить.
Забудь, что я всё помню,
Желай мне всё забыть.

В нас время умертвило
Уснувшую любовь.
Чтоб ей прибавить пыла,
Мы ей пускали кровь:
Старались в нетерпенье
Мы выцедить скорей
Всю горечь наслажденья,
Усладу всех скорбей.

Мечтай, что жар сердечный
Угас лишь до поры,
Тверди, что души вечны,
Что боги к нам добры,
Что наша страсть никчёмна —
Но лишь не смей твердить,

Что ты страдаешь, помня,
А я сумел забыть.

Любовь порой не знает
Душевных грез и гроз,
И лица, что пылают,
Бледны от тайных слез,
И в дни винокуренья
Течет вокруг ступней
Из гроздьев наслажденья
Кровавый сок скорбей.

Порой воспоминанье
Вернет тебе на миг
Пыл первого свиданья
И пыл стихов моих;
Но сможет полдень темный
Свет полночи убить,
Коль всё ты будешь помнить,
А я смогу забыть.

Смеялись мы, ликуя,
Любовь цвела в сердцах —
А в горьком поцелуе
Скрывались скорбь и страх;
Укрыт тяжелой тенью,
В раю таился змей —
И в жилах наслажденья
Струилась кровь скорбей.

С изменами, слезами
Давно пора кончать;
Зачем как в мелодраме
Любить, чтоб изменять?
Жюльетта, ничего мне
Назад не возвратить:
Любовь не может помнить,
А время — позабыть.

Трехдневной нашей страсти
Настал сегодня срок:
Трехдневное ненастье
Сломало наш цветок,
Ссыхаются корни,
И треплет суховей
Тычинки наслажденья
И пестики скорбей.

Вдруг пламя разгорится?
Подуй на угольки;
Приподними ресницы,
Повсхлипывай с тоски,
Потом поохай томно
(Мол, так тому и быть!)
И две слезинки вспомни,
Чтоб десять слез забыть.

ПЕСНЯ В ДНИ ПОРЯДКА, 1852

Эй, взяли! Подставь плечо!
Ветер кляп забивает в рот!
Взяли! Взяли! Еще!
Или дьявол нас всех возьмет.

Промокший песок тормозит,
А ветер звенит, как металл.
Он ярится, грохочет, грозит,
Взгромождает за валом вал.

Там, наверху, над скалой,
Стонет и стелется рожь.
Планшир заливает волной,
Ветер сечет, как нож.

Валяй! Громыхай себе, гром!
Как бы ветер подольше не стих!
Мы уходим в море втроем:
В королевствах не хватит троих.

Толкайте вельбот в прибой;
Мы полоску песка прошли.
Короли владеют землей —
Так к чертям владельцев земли!

Весь мир под их сапогом,
Сам Бог — на подачках у них.
Мы уходим в море втроем —
В королевствах не хватит троих.

Пропиталась ложью земля,
И пирует бандитов толпа;
Кровь — на руках короля,
Ложь — на устах попа.

Но моря — не под их сапогом,
Нет над ветром власти у них.
Мы уходим в море втроем —
В королевствах не хватит троих.

На ветру над простором воды
Заалеет наш флаг опять,
Чтоб тиранов редели ряды,
Чтобы ужас узнала знать.

И, у дьявола взявши урок,
На галеры мы папу сошлем,
Бонапарта мы вздернем на фок —
Пусть подонок попляшет на нем!

Пастырь волка пустил в загон,
И король режет стадо свое,
И уснул на вахте закон,
Чтоб всю разгулялось ворье.

Пусть же реет наш флаг с гербом
Оперением волн морских.
Мы уходим в море втроем —
В королевствах не хватит троих.

Всюду деспоты грабят народ —
От кайеннских до венских владык.
Эй, с дождем в волосах — вперед!
Море пенное, слушай наш крик!

Прямо в пасть мы к буре плывем
Средь оскаленных волн морских.
Мы уходим в море втроем —
В королевствах не хватит троих.

ПЕСНЯ В ДНИ РЕВОЛЮЦИИ, 1860

Страх сжимает грудь короля,
и трепещут святые отцы.
Песней смелых звенит земля,
ей внимают в гробах мертвецы.
Нынче хворый, хромой и бедняк
быстроноги, смелы и сильны.
И гудит их грохочущий шаг,
как ветра, что в морях рождены.
Хохот слышится в вое ветров,
ураган необуздан и дик:
Как мякину, сметает попов,
как тростинки, ломает владык.
Облевал свою рясу поп —
он предвидит свой жалкий конец.
И у вора в испарине лоб,
и в нору зарывается лжец.
Ни с богатством, ни с властью своей
расставаться им нелегко:
Блещут маковки их церквей,
их дворцы вознеслись высоко.
Но недолго им ждать конца,
будет суд справедлив и суров,
Потому что народов сердца
тверже рифов, вольней ветров.
В лесть и ложь с незапамятных пор
обряжались монарх и прелат.
Как сверкал золотой их убор!
Как пылал их пурпурный наряд!
Но мы сдернули с них мишуру,
их лишили венца и креста —
И они дрожат на ветру,
и убога их нагота.
Ну, суди свой народ опять —
ты, король, что мудрейшим сльвешь!

Ну, попробуй еще раз солгать —
поп, с чьих уст мы сорвали ложь!
Заклучи с Творцом договор,
чтоб поддел он тебя на крюк!
Ты ли удержишь бурунов напор
или натиск ветров и вьюг?
Что ж, осанну Создателю спой,
чтобы он проявил свою мощь,
Окропил бы травы росой,
после засухи дал бы дождь.
Но у сильных мира сего
иссякает силы исток;
Они молят свое божество,
но от них отвратился Бог.
Их мольбы летят в облака,
их рыдания над миром гнусят,
В их глазах застыла тоска,
страх застлал пеленой их взгляд.
Гнев и гордость наших речей
им тисками сдавили сердца,
И от звона разбитых цепей
краска сходит у них с лица;
Их бросает в холодный пот,
боль сверлит с головы до пят,
Их от страха трясучка бьет,
так что кости в теле бренчат,
Задыхаясь, они без сил
ловят воздух раскрытым ртом,
Страх их судорогой скрутил —
смертный страх перед близким концом;
Смерть маячит пред ними вдали,
вольный ветер гонит их к ней,
Он вздымает края земли,
как вздувает концы простыней.
Уж наточен нещадный нож,
и железо разверзло зев,
И багровой становится рожь,
и, как горн, накаляется гнев.

Вот уж слово произнесено,
в нем угроза и в нем торжество,
В уши мертвых проникло оно,
глубь земли подхватила его.
Где висел лишь ломоть луны,
где не брезжил солнечный свет
И где были омрачены
все орбиты звезд и планет,
Где смирился водоворот,
смолк и сник покорный прибор
И Творец с небесных высот
море скрыл под тяжелой тьмой,
Где клинок был в землю зарыт,
чтоб ржавела слепящая сталь, —
Там сегодня слово звенит,
будит землю и катится вдаль:
Снова меч заблестает клинком,
свой стальной язык обнажив,
И в ушах мертвецов, как гром,
зазвучит Господень призыв.

САД ПРОЗЕРПИНЫ

Здесь мир умолк в покое,
Тревоги здесь слышны,
Как мертвый плеск прибоя,
Вторгающийся в сны.
И, жатвы ожидая,
Недвижная, немая,
Стоит трава густая
Средь сонной тишины.

Мне чужд огонь дерзаний,
Скучны мне смех и стон,
Устал я от желаний
И жизнью утомлен,
Устал от роз унылых,
Цветущих на могилах,
Устал от грез постылых, —
Мне нужен только сон.

Здесь жизнь со смертью дружит —
А где-то там, вдали,
Печально ветры кружат
И ходят корабли,
И слабых струй движенье
Влечет их по теченью, —
А здесь царит забвенье
Средь замершей земли.

Здесь не цветут долины,
Леса не шелестят —
Растет лишь Прозерпины
Янтарный виноград;
И, гроздья выжимая,
Здесь в пору урожая

Владычица немая
Для мертвых цедит яд.

Они в полях бесплодных
Блуждают без числа,
Нет звезд им путеводных,
Нет солнца и тепла;
Всю ночь без сновидений
До утра спят их тени,
Пока в туманной пене
Не растворится мгла.

Едва сюда вступая,
Все станем мы равны;
Здесь нет сиянья рая
И пыток Сатаны;
Всё, что прекрасно было
И нас с ума сводило —
Ум, красота и сила, —
Здесь превратилось в сны.

Богиня ждет бесстрастно
Под блеклою листвою,
И смертных манит властно
Бессмертною рукой
Она в свои твердыни,
И поцелуй Богини —
Холодный, точно иней, —
Страстней любви земной.

Средь тѐней обреченных,
Безмолвна и бледна,
Ждет всех земнорожденных
В саду своем она;
Она давно забыла
Мать-землю и светила,
Всё в мире ей постыло —
Царице царства сна.

Здесь сохнут крылья страсти,
Здесь дружбы мавзолеей,
Здесь умирает счастье
И боль былых скорбей,
Здесь тени дней забытых,
Цветов, под снегом скрытых,
Стволов, ветрами сбитых,
Нехоженных путей.

В удачи и невзгоды
Не верим мы давно,
Нам неподвластны годы,
Грядущее — темно;
Любовь бессильной стала
И сетовать устала
На то, что жизнь сначала
Начать ей не дано.

Мы любим жизнь и много
Прошли земных дорог;
Но всё ж мы славим Бога —
Кто б ни был этот Бог —
За то, что жизнь прервется,
Что мертвый не проснется,
Что в океан вольется
В свой срок любой поток.

Здесь тишь не нарушают
Ни вопль, ни зов, ни стон,
Заря не пробуждает
Тяжелый небосклон,
Здесь нет весны беспечной,
Нет радости сердечной, —
Здесь царство ночи вечной,
Где длится вечный сон.

ИНТЕРЛЮДИЯ

Помню, как-то скакал я в мае
Через лес в предрассветный час;
В это утро встретил тебя я,
И весна познакомила нас.

А заре лишь тебя не хватало:
Ты пришла — и солнце взошло;
И листва на ветру вздыхала,
И дышала ты тяжело.

Зарумянилась даль небосклона,
И румянцем зарделась ты;
Шелестели травы влюбленно,
Звонко-звонко смеялись цветы.

По высокой осоке ступая,
Ты была невесомо легка,
Как Эол, как дыхание мая,
Как дурманящий запах цветка.

Шла ты тропкой со мною рядом,
Но помедлила перед ручьем —
Может быть, посмотреть на ограду,
Перевитую пышным плющом,

Или роз нарвать, что белели,
Покрывая, как снегом, кусты,
Иль заслушалась птичьих трелей,
Иль о шип укололась ты.

Замерев, я стоял смущенно,
Сердце ждало, часто стуча.
Вдруг коснулся тебя сквозь крону
Пальчик солнечного луча.

«Тут! Тут! Тут!» — простучал нам дятел,
«Любишь! Любишь!» — пропел нам дрозд,
И призыв весны был понятен,
И язык пичужек был прост.

Нас с тобою листва укрывала,
Птицы пели для нас с тобой.
Как царицу, солнце венчало
Диадемой тебя золотой.

Как в золе уголёк, остывая,
Вспоминает солнечный свет,
Я, забыв, опять вспоминаю,
Что любовь совершила, что — нет.

Помню, как разлучились мы, чтобы
Вновь сойтись и побыть вдвоем.
Ты ждала, чтоб мы мучились оба,
Зная: всё мы забудем потом.

Май в цвету улыбался, казалось,
И шептал, приветствуя нас.
Ты шептала и ты улыбалась,
Но простилась со мной через час.

И рукой, как лилия, белой
Ты махнула из-за плетня,
И походкой какой-то несмелой,
Побледнев, ты ушла от меня.

Мы не будем страдать, тоскуя,
Никого упрёки не ждут:
Ты забыла мои поцелуи,
Я забыл, как тебя зовут.

ОДИННАДЦАТИСЛОЖНИК

Той порой, когда розы увядают,
Я бродил возле берега морского,
Наблюдая, как умирает лето,
И смотрел, как вдали, за горизонтом,
Точно тигров зрачки из черной чащи,
Тлело пламя под веками заката.
И внезапно почудилось мне, будто
В сонном штиле раздался тихий шорох
И вода зашуршала под шагами
Серафимов, крылами шелестевших;
И в тиши зазвенел вечерний воздух,
И бесшумные ангелы на море
Опустились в лучах луны лазурной;
И в лицо мне повеял свежий ветер,
Прилетевший неведомо откуда,
Порожденный не северными льдами
И согретый не южною жарою;
И ликующий голос я услышал:
«Солнце блекнет, тепло его остыло,
Пышный год облетает, как деревья,
Все плоды, уродившиеся летом,
Уж созрели и убраны в амбары;
Умирают цветы, пожухли листья;
И бесплодное, чахнувшее лето —
Как слепой уголёк в холодном пепле;
В тусклом свете зимы и в лунном блеске —
Блеске снега и изморози белой —
Мы взрастим на земле цветы иные,
Что и в лютую стужу не увянут:
Хоть у них и искусственные листья,
Эти листья живее листьев лета;
Те цветы мы под звездами соткали
В бороздах, где уже не зреют злаки,

На полях, запорошенных поземкой,
На просторах морей, лишенных пастбищ;
Ибо скоро зима придет, рыдая,
Из цветов ей нужны одни лишь слезы,
И навеки мороз в железных латах
Расцветет возле стен ее святилищ».

САПФИЧЕСКИЕ СТРОФЫ

Не качались кроны, не веял ветер,
Но и ночью сон не смежал мне веки,
Он в глаза глядел мне железным взором,
Крепко стиснув губы.

И тогда виденье меня коснулось,
Прилетев ко мне из заморских далей,
Мне в ночи бессонной глаза и губы
Тронув бесшумно.

Я увидел гордую Афродиту,
Без сандалий и без ремешка на прядях;
И она сверкала, как жар заката
Над горизонтом.

Я увидел крылья ее голубок,
И голубки вдаль озирались грустно —
На лазурный Лесбос, где Митилена
В дюнах сверкала.

Я услышал поступь харит покорных,
И под их шагами взметнулись волны,
Точно грянул гром на раскрытых грозно
Крыльях циклона.

Так богиня с шумом сошла на землю;
Трепыхались крылья, шаги стучали,
И поющих дев голоса звенели,
Тьму разрывая.

О блаженство песни! О страсть! О радости!
Все хариты плакали, и в тревоге
Девять муз в лавровых венках стояли
Вкруг Аполлона.

Но тогда десятая вышла муза
И запела песнь, что они не знали;
Лесбиянка пела — и все рыдали;
Музы умолкли,

Их венки увяли. Но вокруг певицы,
Вкруг ее чела и волос волнистых,
Бел, как талый снег или луг, поблекший
От поцелуев,

Запылал огонь, как венец бессмертья.
И тогда надменная Афродита,
подавив рыданья и чуть помедлив,
Молвила властно:

«О моя Сапфо, подойди поближе!»
Но Сапфо стояла спиной к богине;
Ей не видно было, что все хариты
Плачут в экстазе,

Что голубки прочь улетают стаей,
Что от слез вздымается грудь богини,
Что она, забыв о своем величье,
Руки ломает.

Нет, Сапфо смотрела, как лесбиянки
Целовались между разбитых лютен:
Это было слаще им звуков лютни
И ласк мужчины.

И сплетались руки, сливались губы,
Полны песен, шепотов, поцелуев;
А Сапфо смотрела, как между ними
В небо ночное

Ее песнь вспорхнула, подобно птице,
Песнь из звонких звуков и светлой страсти,
Грохоча, как гром, и от гроз укрыта
Крыльями ветра.

И Сапфо, смеясь и полна любовью,
Разбросала всюду святые розы;
И, понуро пятясь, хариты сбились
Вкруг Афродиты.

И, смутясь, в молчанье стояли музы,
И поникли боги, внимая песне,
И понуро, нехотя, негодуя,
Они исчезли.

Скрылись боги, но на лугу остались
Толпы дев бесплодных и пламя песни.
И теперь, когда на закате солнца
Ветры смолкают,

Духи дев отверженных, нелюбимых,
Не умолкших, гордых, незримых людям,
Не омытых Летой, одетых в пламя,
К морю выходят,

Чтоб рыдать во тьме и опять петь песни,
От которых сердце небес застынет,
От которых сердце земли смутится
Вечною скорбью.

ЛЮБОВЬ И СОН

В мой скорбный сон, ночной укрыта тенью,
Любимая явилась в тишине,
Бледна, как листья лилий на волне,
Прильнув ко мне в пьянящем упоенье;

Ей бледность не дала зардеть в смущенье
При тусклой алебастровой луне;
И, рот разжав, она шепнула мне —
Я понял только слово «Наслажденье».

Из влажных губ я ртом впивал нектар,
Глазами пасся на дразнящем теле,
А руки у нее огнем горели,

Я ощущал набухших грудей жар,
Изгибы ног, и бедер колыханье,
И пламя глаз — души моей желанье.

Из сборника

«ПРЕДРАССВЕТНЫЕ ПЕСНИ»

(«Songs before Sunrise», 1871)

ВО МРАКЕ НОЧНОМ

1

Часовой, что ты видишь во мраке ночном?
— Морось холодных дождей
Да мерцание фонарей
Под сводами мрачных аркад.
Лишь светят ярким огнем
Сотни факелов и свечей
Во дворце, где тираны сидят,
Что травят и грабят людей.

2

Провидец, где ты во мраке ночном?
— Я стою у глади морской,
Свободен, хотя и изгой,
И внимаю раскатам валов:
В них я слышу, как острым клинком
Где-то кто-то тирана убил,
Обрадовав мертвецов
В глухой глубине могил.

3

Скорбящие, о чем вы крушитесь во мраке ночном?
— Мы рыдаем, рыдаем без сна
Допоздна, допоздна, допоздна.
Кто наших вернет сыновей,
Которых безжалостный гром
Ружей и батарей
На поле сразил боевом?

4

Трупы, что видится вам во мраке ночном?
— Ужас ружья и меча,
Петля и топор палача.
Но мы не мечтали спастись,
И не сетуем мы ни о чем,
Не станем стенать и рыдать:
Ведь сами же мы поклялись
Жизнь за свободу отдать.

5

Дипломат, чем ты занят во мраке ночном?
— Я размышляю о том,
Что злодейство в венце золотом
Благостынею предстает.
Я строчу своим резвым пером,
Не гнушаюсь лгать и хитрить.
А когда опасность пройдет,
Делом слово сумею прикрыть.

6

Солдат, что ты видишь во мраке ночном?
— Мрак ночи, сияние дня —
Они всё одно для меня.
Я — только простой солдат,
Я живу не своим умом,
Я вопросов не задаю,
И не знает ни принц, ни прелат,
Когда я его убью.

7

Хозяин, что ты знаешь о мраке ночном?

— Дитя, нигде и никак

На землю не падает мрак:

Он — только у нас в глазах,

Это — всё, что я знаю о нем.

Пойми: этот мрак ночной —

Не вокруг, а лишь в небесах;

И ночи нет никакой.

8

Беглец, что ты чуешь во мраке ночном?

— Часы, как волны, бегут,

Сомненье и смерть меня ждут,

Ночная стража строга,

Зыбучий песок кругом,

Вязнут ноги в этом песке.

Но ведомы мне берега

И дыханье морей вдалеке.

9

Узник, что ты слышишь во мраке ночном?

— Дождь за стенами льет,

Дождь багровый всю ночь напролет.

Я свыкся с неволей своей,

Здесь — всё то же и ночью и днем.

И так это будет, пока

Клеймо царей и цепей

Не сорвет повстанца рука.

10

Христианин, что ты видишь во мраке ночном?

— Не могу ответить: я слеп,
Весь мир для меня — как склеп.
Если время вернется вспять
И осветит мне мутным лучом
Сквозь ночь, что теперь темна,
Небо звездное станет сиять
Над землей, что теперь холодна.

11

Первосвященник, что тебе мнится во мраке ночном?

— Ночь для меня страшна,
Трепет внушает она,
Она — вся в крови и огне.
Зрячий, я стал слепцом,
Меня кроет холодный пот.
Кому теперь верить мне,
Если Бог моей веры лжет?

12

Владыки, кто вы во мраке ночном?

— Мы, дети чумных гробниц,
Перед ночью падаем ниц.
Мы — на теле земли нарост.
Мы нашим народам несем
Насилье, страданье и страх.
Земля под нами — погост.
Жизнь гибнет в наших краях.

13

Страдальцы, кто вы во мраке ночном?

— Вам видна темнота ночей,

А мы забыли о ней.

Огонь благородной борьбы,

Которого тщетно мы ждем,

Разом вспыхнув, давно угас,

И светится лик судьбы

В мерцании наших глаз.

14

Лондон, что ты скажешь о мраке ночном?

— Ночь создана для сна,

Не для жалоб и плача она.

Такова уж моя судьба:

Я забылся спокойным сном,

Двести лет уже длится он.

Встарь звала меня в бой труба,

Но сон — слаще, чем слезы и стон.

15

Париж, что ты скажешь о мраке ночном?

— Ночь — это полдень для шлюх:

Днем переведши дух,

Угождая клиентам своим,

Они служат любви нагишом

По ночам за убогий барыш.

И смерть рукоплещет им.

Это — всё, что знает Париж.

16

Рим, что ты скажешь о мраке ночном?
— О дитя, ночь ужасно длинна,
Она черна и темна.
Но все-таки свет не угас,
Полыхает он ярким огнем,
Он полнеба вдали охватил
И скоро достигнет нас:
Он — светлей, чем сиянье светил.

17

Берлин, что ты скажешь о мраке ночном?
— Я долго витал в облаках,
Долго блуждал впотьмах;
Но теперь сомнения нет:
Я хочу быть со славой знаком —
Спутницей прежних дней;
Я мечтаю о блеске побед,
О мощи державы своей.

18

Европа, к чему ты готова во мраке ночном?
— Спроси у небес и морей,
Спроси у моих детей,
У народов — бездумных, пустых, —
Что покоятся в лоне моем.
Есть один, что готов к борьбе.
Спроси у народов моих —
И они ответят тебе.

Свобода, что ты предвидишь во мраке ночном?
— Нет больше кровавых дождей,
Штормов на просторах морей;
Вся дальняя даль светла,
В небесах не грохочет гром,
И солнце слепит во всю мочь;
Нет в мире прежнего зла,
Навеки окончилась ночь.

ПЕРЕД РАСПЯТИЕМ

Здесь женщины, прервав свой путь,
Под сенью рощицы убогой
Присядут, чтобы отдохнуть,
И вновь идут своей дорогой,
Поклажу на плечи взвалив,
Молитвой душу облегчив.

О идол! Сгнил ты под дождем,
Твой облик солнце иссушило;
Молитвы боль — в лице твоём,
В глазах твоих слеза застыла;
И все несут тебе, Христос,
Немую боль молитв и слез.

Бог! По подобию своему
Тебя слепил народ несчастный.
Я этой веры не приму,
Кумир безглазый и безгласный!
Но, пусть молитв я не шепчу,
Я говорить с тобой хочу.

Так для того ли твой глагол
На мир упал, как меч на плаху,
Чтоб человек душой ушел
В обитель слез, стыда и страха,
Чтоб вера в нас твоя вошла
И нам сердца она сожгла?

Затем ли с отроческих дней
Мы клоним пред тобой колени,
Чтоб были груди матерей
Бесплодней тщетных их молений
И дети плакали навзрыд
Среди сырых подвальных плит?

И для того ли ты, Господь,
К свободе звал, чтоб в келье жалкой
Мужчины истязали плоть
И чахли женщины-весталки?
Чтоб тот, кто вольным был рожден,
Был всюду в цепи заключен?

Нахлынул девятнадцать раз
Прилив веков, и мчатся годы.
Кого ты накормил и спас?
Кому ты даровал свободу?
И где тот светлый идеал,
Который нам ты обещал?

Когда и впрямь не умер ты,
Не жди, чтоб пал твой храм священный;
Взгляни на землю с высоты,
Ты, Богом в жертву принесенный;
Взгляни на тех, кто среди нас
Твой жертвенник хранит сейчас.

Про светлый рай они твердят
И служат аду в мире этом.
Твоим Писаньем нас клеймят,
Бичуют нас твоим Заветом,
И жажда, что свела твой рот,
Живую влагу им дает;

Твое страданье, твой позор
Им дали власть, почет и славу;
Им радость дал твой скорбный взор,
Им миро дал твой пот кровавый;
Твоя святая нагота
Одела в бархат слуг креста;

Венцами пышными на них
Сверкает твой венец терновый;

Кровь, что течет из ран твоих,
Их платье красит в цвет багровый;
И меч, что Петр посмел поднять,
Им помогает убивать.

Веревкой связан, ты затих,
И камень скрыл твою могилу.
Орда наместников твоих
Народы в цепи заключила —
И где тот смертный иль святой,
Что сдвинет камень гробовой?

Народам в мире счастья нет,
За тяжкий труд им нет награды.
В их взорах блещет солнца свет,
Как обнаженный пламень ада;
Когда же к ним приходит смерть,
Им негде лечь в земную твердь.

Не им дано владеть землей,
Нигде надгробьями не чтят их,
Не слышен плакальщиков вой,
Когда хоронят их, распятых.
А ведь для их молитв и слез
Ты дал распять себя, Христос!

Христовой веры ржавый гвоздь
Пронзает души без пощады,
Гниль въелась людям в кровь и кость,
А свет небес и пламя ада
Затмили истину в сердцах,
Оставив только ложь и страх.

Священники в твои уста
На палке тычут губку с ядом,
Твой путь последний до креста
Стал представленьем и обрядом,

И служит торгу, о Господь,
Твоя святая кровь и плоть.

О боль пронзенных рук и ног!
О иступленный плач на тризне!
О кровь, пролитая в залог
Спасенья миллионов жизней!
О горы трупов, речи слез!
О слабый и слепой Христос!

Уста ль багровых ран твоих
Опять евангелю дадут нам?
Иль голос твой навек затих?
Усталым, слабым, бесприютным
Хоть луч надежды подари!
Бог! Если слышишь — говори!

О ты, что был людьми согбен,
Сын человеческого рода,
Познавший беды всех времен,
О враг царей, о друг свободы!
Народы грезят день за днем
О светлом царствии твоём.

Сегодня воин и прелат
Стоят у твоего подножья,
Во тьме ночной они едят
Растрезанное сердце божье
И мечут кости меж собой,
Кто заберет твой плащ святой.

Воспрянь! Как Лазарь, поднимись,
Земную освяти обитель,
Республиканцем к нам явись,
Себя и нас спаси, Спаситель!
Но нет апостола, чтоб нам
Сказать, придешь ли ты в свой храм.

Нет! Между солнцем и землей,
Гниющий, грязный и тяжелый,
Крест без Христа, как призрак злой,
Прикрыв собой царей престолы,
Висит, качаясь без конца,
И полнит ужасом сердца,

Висит, качается, скрипит
И застит пламень отдаленный,
Корою ржавчины покрыт,
Трухлявый, черный и зловонный —
Крест, погрузивший нас во тьму...
И люди — молятся ему.

Своим наместникам не веры!
Тебя на землю призывая,
Они бесстыдно лгут теперь:
Не ты им нужен, а святая
Твоя страдальческая тень;
Твой черный день — их светлый день.

И если ты придешь опять,
Чтоб счастье даровать народу,
Не дай, Христос, себя распять,
И пусть на дерево свободы
Червь христианства не вползет;
Живи — а крест пускай сгниет.

Ужели на кресте висеть
Ты будешь, как висел от века?
Сын человеческий, ответь:
Что сделал ты для человека?
Распять позволив божество,
Ты принял муку — за кого?

Молясь на твой иконостас,
Прошли мы ад, всё зло изведев.
Не требуй же любви от нас,
Пока ты кормишь людоедов,
Которые, скверня твой храм,
Тебя любить мешают нам.

Коль истинно тебя вела
Любовь к народу, много ль счастья
Любовь и кровь твоя дала?
Попы, облекшись божьей властью,
Яд черпают в твоей крови
И золото — в твоей любви.

Когда мы на тебя глядим,
Мы видим церкви торс зловонный:
Ты от нее неотделим,
От этой шлюхи прокаженной,
Ты в поцелуе сросся с ней,
И с нею сгнил ты до костей.

Господь! Воскресни и твори!
Разрушь забрызганные кровью
Заржавленные алтари!
Прерви молитвы пустословье!
Взгляни: окутал землю смрад
И капает с распятия яд.

Твоею тенью правды свет
Затмил священник — твой ходатай.
На все мольбы — ответа нет
От этой падали распятой,
Лишь гной течет из рук и ног.
Так ты ль Спаситель? Ты ли Бог?

Нет! Будь ты Богом и Творцом,
Ты солнца должен устыдиться:
При самом имени твоём
Оно спешит за тучи скрыться.
Оставь наш мир, с креста сойди,
Умри, исчезни, пропади!

УОЛТУ УИТМЕНУ В АМЕРИКУ

Песнь нам пришли из-за моря,
Песнь из свободной земли,
Чтобы, словам твоим вторя,
Здесь мы воспрянуть могли.
Сами мы петь неспособны —
Страх нас терзает утробный.
Песнь из-за моря пришли.

В песнях твоих животворных —
Запах земли и травы,
Пустоши прерий просторных,
Свежесть весенней листвы,
Яркость небесной лазури,
Ярость неистовой бури,
Сочность морской синевы.

Мчись же душой окрыленной,
Нашего века пророк,
Чтобы твой факел нетленный
В людях отвагу зажег;
Воздух рассекши, как птица,
Пусть твоя песня вонзится
В наши сердца, как клинок.

Будь в нашем плаванье с нами —
Нашу отвагу удвой;
И разверни свое знамя,
В бурю будь наш рулевой.
Песнею нас вдохновишь ты,
Песнею предотвратишь ты
Братоубийственный бой.

Чистым серебряным горном
Голос тоски заглуши,

Песнею воронам черным
Ужас навеки внуши;
Вольных ветров дуновенье
Сдует зловоние тленья,
Снимет нам тяжесть с души.

В пении птиц полуденном,
Льющемся с неба всегда,
В шелесте крон над затоном,
Где задремала вода,
В смехе свободного шквала,
Что над водой одичало
Мчится, сшибая суда,

В буре, влекущей в пучину
Тысячи смелых людей
Там, где Атлантика льдины
Бьет о борта кораблей,
Где, от убийства пьянея,
Воет всё злее и злее
Смерч над простором морей,

В страхе, страданье и страсти,
В грома раскатах глухих,
В радости, славе и счастье,
В солнца лучах золотых
Пусть огневою зарею
Гордо летит над землею
Ширококрылый твой стих!

Мир обессиленный — в муке,
Согнуты спины людей.
Сыщутся ль смелые руки
Сбросить с нас бремя цепей?
Нам суждено ль распрямиться?
Как нам к свободе стремиться,
Если не видно путей?

Заперты в камере смрадной
Тесной житейской тюрьмы,
Тупо, в тоске безотрадной
Мы изнываем средь тьмы;
Нет, не в мольбах о спасенье —
В воле, в познании и зрении:
Вот в чем нуждаемся мы.

Видишь? Как старец в оковах
Или младенец в бинтах,
В горестях древних и новых
Смысл нашей жизни зачах.
Взрослый ребенок Свобода
Тихо рыдает у входа
В дом, где — страданье и страх.

Плачет, не слышит Свобода
Отзвука будущих лет,
Завтрашней песни восхода,
Грома грядущих побед;
Плачет и знает едва ли,
Как в очистительном шквале
Преобразится весь свет.

Солнце взойдет золотое —
Жить нам не вечно во мгле;
И по сожженной войною,
Залитой кровью земле
Из синевы небосвода
Спустится к людям Свобода
С ярким венцом на челе.

Свет в отдаленье мерцает,
Край облаков серебря;
Смелым он дух поднимает,
В душах надеждой горя.
Сбросив покорство тупое,

Нужно готовиться к бою,
Чтоб засияла заря.

Гнут нас тираны нещадно,
Мир в кандалах изнемог;
Но и во тьме непроглядной
Ищем мы светлых дорог.
Петь ли нам, Господа славя?
Требовать гимнов не вправе
Друг угнетателей — Бог.

Бог, смертоносной заразой
Ты отравляешь весь свет;
Бог, ты — безгласный, безглазый,
В землю зарытый скелет,
Жертва гниенья и тленья;
Нет для тебя песнопенья,
Гимнов торжественных нет!

Бог — не распятый страдалец.
Приговоренный толпой,
Бог — не бездомный скиталец,
Грустно бродивший с сумой
По галилейским дорогам;
Нет, он не стал нашим Богом:
Есть у нас Бог, но другой.

В тех, кто страдает безвинно,
Бог этот властно проник;
Бог наш и дух наш единый —
Жизнь, чей кристальный родник
Гнев и любовь порождает;
Крылья его задевают
Даже рабов и владык.

Бог наш зовется Свободой.
Долог истории ход,

Точно свет звезд, через годы
К нам доходящий с высот;
Но, словно море, безбрежна
И, словно смерть, неизбежна,
К людям Свобода придет.

И прекратится движенье
Стран, и земель, и времен,
Доблесть затмит преступленье,
Смолкнут рыдания и стон;
Миру звездой путеводной
Будет лишь гений свободный,
Новый, свободный закон.

Звезды над вольной землею
Свет разольют золотой,
И поколение иное
Жить будет жизнью иной;
Голос веселья и счастья,
Голос волненья и страсти
Не омрачится тоской.

Ты, среди бурь и туманов
В горестном мраке дорог,
Ты, среди гнета тиранов
В мире, где правит порок,
Высшее благо народа,
Свет наш, земная Свобода,
Ты — наш единственный Бог.

«NON DOLET»

Не больно. И с улыбкою она
Глядит, как кровь течет струею алой.
Щекочет сердце холодок кинжала.
Жизнь угасает. Боль побеждена.

Римлянке гордой гибель не страшна,
Но по ее щеке слеза сбежала:
Ее терзает болью запоздалой
Мысль, что над мужем боль еще властна.

Италия! Не больно! В грозный час
Ты ближе, чем жена. Скажи лишь слово —
И мы всю кровь отдать тебе готовы:

Иль ты не проливала кровь за нас?
И если крови наших ран довольно,
Чтоб ты жила, — нам умереть не больно.

Из сборника

«СТИХИ И БАЛЛАДЫ, 2-Я СЕРИЯ»
(«Poems and Ballads, 2nd Series», 1878)

ПОКИНУТЫЙ САД

Обнесенный оградой каменьеv острых,
Взгромоздясь над долиной на горный кряж,
Как у края земли заброшенный остров,
Призрак сада над морем стоит, как мираж.
Покрывают всю почву откосов хилых
Лишь репейник, татарник и чертополох,
И даже сорняк, что рос на могилах,
Весь иссох.

Пожелтевшее поле крутым косогором
Приникло на юге к пене морской.
Прозвучит ли шаг или голос, которым
Здесь будет разбужен призрак слепой?
И если в эти дремучие пущи
Заблудший путник порой забредет,
Не отыщет он жизни — лишь ветер злющий
Здесь ревет.

К пустому урочищу по крутосклону
Вьется тропа, и вокруг тропы
Пожухнули роз золотые бутоны,
А время оставило только шипы.
Шипы сохранились, но розы не дышат,
Усеяли камни пустые поля,
А ветер тревожно травы колышет,
И зябнет земля.

В поле нет колосков — даже самых скромных:
Как сердце трупа, пашня пуста.
Нет в саду соловьев: в этих зарослях темных
Не найти им розового куста.
Над лугами, что вянут и вновь расцветают,

Только птицы морские летают гуртом,
Да солнце и ливень друг друга сменяют
    День за днем.

Серое солнце и дождь леденящий
Терзают единственный цветик сухой,
И ветер гуляет по черной чаще,
Где жизнь мертвее смерти самой.
Когда-то плакали и смеялись
Любовники здесь в былые года.
Но они за морем вдали затерялись
    Бог весть когда.

Может, он ей шепнул, глядя в мутные дали:
«Посмотри — вон вода, вон пустые холмы;
Волны в пене живут, а розы увяли;
Те, чья страсть коротка, умирают — а мы?»
Тот же ветер им пел меж сухими кустами,
Но последний листок облетел со ствола;
Их губы шептали, в глазах было пламя —
    Но любовь умерла.

Дай-то Бог, чтобы все их исполнились грезы —
Но как знать, что за доля была им дана?
Ведь любовь — даже жгучая — вянет, как роза
Иль как водоросль в море, что с розой сходна.
Разве мертвые любят еще своих милых?
Выживает ли страсть в гробовой глубине?
Нет: любовь им чужда, как траве на могилах
    Или волне.

Здесь люди и розы смешались друг с другом,
Их забыли кусты и просторы полей,
И дыхание времени веет над лугом,
Лишь мечтая, чтоб лето пришло поскорей.
Ни на вздох, ни на крик не откликнется эхо,

Ни цветов, ни влюбленных не будет потом,
Когда, как они, мы без плача, без смеха
    Все уснем.

Здесь, в саду, можно смерти уже не бояться,
Можно больше не ждать никаких перемен,
И влюбленным из мрачных могил не подняться,
Чтобы вновь доказать нам, что жизнь — это тлен.
Лишь колючки и камни весь сад покрывают
Под солнцем, луной и струями дождей,
Да дыхание ветра надрывно качает
    Гладь морей.

Пока скалы сурово стоят над водою,
А ливни луга продолжают поить,
Пока не поднимутся волны прибоя,
Чтоб поля затопить и утесы разбить,
Здесь, в саду, где ничей не разносится голос,
Ни под чьею стопою не мнется трава,
Как богиня, что в храме своем закололась,
    Смерть мертва.

EX VOTO

Когда придет покой,
И Смерть, стуча клюкой,
Холодною рукой

    Меня обнимет,
Затихнет дрожь костей,
Угаснет блеск очей,
Горевший столько дней,
    И кровь застынет,

Когда в гробу моем
Засну я вечным сном,
То только об одном

    Душа взмолится:
Чтобы мой труп не гнил
В грязи земных могил,
Чтоб черный червь не рыл
    Мою гробницу,

Чтоб над моей плитой
Не рос цветок слепой
И травы надо мной

    Не шелестели;
Земля тесна, темна,
И мне она страшна;
О нет, хочу я сна
    В иной постели:

О море, я — твой сын!
Пусть я усну один
Во мгле твоих глубин —

    С меня довольно!
Пускай века летят
И средь глухих громад

Меня хранит твой брат —
Твой ветер вольный.

В исканиях земных
Ты — песня дней моих,
Тебе — мой каждый стих,
Мое дыханье,
В тебе — вся жизнь моя,
Вся радость бытия;
Да, в ветре слышу я
Всех струн звучанье,

И в говоре волны
Все вздохи мне слышны,
Все звуки сплетены
В твоем лишь слове;
И сердце средь зыбей
Колотится сильней,
В нем бьется пульс твоей
Соленой крови.

Я — сын, о море, твой!
Как мать, своей рукой
Глаза мои закрой
Водой соленой
И погаси мой взгляд:
Я смерти буду рад
И выпью сладкий яд
Без слез, без стога.

Земля! Ты всем нам — дом,
Твой облик нам знаком,
И мы всю жизнь живем
Твоею силой,
И тысячи веков
Ты даришь нам свой кров,
Мудрейших мудрецов
В себе ты скрыла;

Луч солнца на снопах,
Роса на лепестках,
Печаль, блаженство, страх —
    Твои навеки;
Тебе принадлежат
Любви бальзам и яд,
Смертей пещерный смрад
    И жизнью реки;

В тревогах бытия
Мы ждем, свой страх тая,
Когда нас всех твоя
    Утроба примет;
Все мысли и дела,
Плоды добра и зла —
То, что ты нам дала, —
    Всё Смерть отнимет.

Служа своим сынам,
Рабой ты стала нам.
Но кто бросал морям
    Приказ надменный?
Чей плуг пахал их дно?
Кто кинуть смог зерно
В бродящее вино
    Искристой пены?

Любой твой сын земной,
Уйдя в чертог морской,
Был пьян его водой —
    Лишь ей единой.
Тому, кто кровь испил
Морских студеных жил,
Уж пить не хватит сил
    Иные вина.

Живя, мы пьем вино,
Но жаждой всё равно
Томиться нам дано.
    Но кто однажды
Под вольною волной
Обрел себе покой,
Того сухой рукой
    Не тронет жажда.

Глухая глубь грозна,
Там тьма и тишина,
И в ней схоронена
    Печаль покоя:
Все звуки там мертвы,
Нет ласковой листвы,
Нет светлой синевы
    Над головою.

Мир тем, кто сон вкусил
Во мгле земных могил
И в них навек забыл
    Восторг и горе.
Но если смерть придет,
Пусть под хрустальный свод,
Как мать, меня возьмет
    В чертог свой море.

ПРОЩАНИЕ

Этим днем, этой ночью Любовь целовала нас,
И, укутав в незримую нас пелену,
Она знойною песней своей чаровала нас
И, прервав свой полет, от себя не пускала нас,
Дух и плоть погружая в забвенья волну
    В этот день, в эту ночь одну.

От завистливых взоров крылом укрывая нас,
Заслоня светила небес и луну,
Нас под мирты она увела, охраняя нас
От нечистых речей, чтоб они, оскорбляя нас,
Не смутили таинственную тишину
    В этот день, в эту ночь одну.

Но к утру она скрылась, оставив тревогу нам.
Солнце землю ласкает, взойдя в вышину,
Расступаются мирты, давая дорогу нам.
В эти сутки Любовь подарила так много нам,
Но она удержать нас способна в плену
    Только день, только ночь одну.

Из сборника

«ОПЫТЫ ПЕСЕН»
(«Studies in Song», 1880)

ЧЕТЫРНАДЦАТОЕ ИЮЛЯ (ВИКТОРУ ГЮГО)

Ты гордо встал, как светлая заря,
Поднялся ты, опять готовый к бою,
Дух Франции, не с Францией одною,
А с целым миром громко говоря.

И все народы, на тебя смотря,
Опять идти готовы за тобою,
Как встарь за путеводною звездою,
Чтя ссыльного поэта-бунтаря.

Представ пророком пламенным пред нами,
Проник ты светом в темную тюрьму,
Горя, как очистительное пламя:

Так солнце прорывает ночи тьму.
Ты с гневным словом перед миром вышел;
Конец изгнанию: мир тебя услышал.

**НА СПУСК «ЛИВАДИИ»
(30 сентября 1880 г.)**

I

В сиянье солнца терем золотой
Блестит над белоснежными бортами,
Как багровеет зорь холодных пламя
Над мертвою, замерзшею землей,

Где целый край стал для людей тюрьмой
И где бренчат колодниiki цепями,
Под свист кнута копясь в темной яме —
Вдали от нас. Мы ж видим пред собой

Из ненависти сотканые снасти
И корпус, возведенный из нужды...
Но им не сладить с яростью воды,

Их встретят бури, смерчи и ненастья,
И волны растерзают их на части,
В пучине скрыв навеки их следы...

II

Пускай в свободных водах океана
Тебя настигнет праведная месть:
Пусть соль сумеет корпус твой разжесть,
Пусть на пути поднимутся туманы,

И пусть в себя впитают ураганы
Всю злость царей, чьих черных дел не счесть,
На чьих устах — молитва, ложь и лесть, —
А первым делом злость того тирана,

Который заморозил всю страну
Своим дыханьем смрадным и студёным —
От тундр, застывших в ледяном плену,

До гордых гор под солнцем полудённым;
Плыви ж навстречу смерчам и циклонам,
Плыви, пока ты не пойдешь ко дну —

III

Пойдешь ко дну, вконец отягощенный
Проклятием несчетных горьких лет,
Которые обрушат свой кастет
Над проклятой кровавою короной

Того, кто нем и слеп, как занесенный
Снегами труп, — того, в ком чести нет, —
Того, кто сгинет в Судный день, как бред,
Когда народ восстанет пробужденный.

Пусть гнев людской разгневает моря,
Пусть за штурвалом страх стоит бессменно,
Пусть, путеводною звездой горя,

В пути тебя ведет огонь геенны
К твоей судьбе; а клочья белой пены
Пусть саван шьют для белого царя.

Из сборника

«СТОЛЕТИЕ РОНДЕЛЕЙ»
(«A Century of Roundels», 1883)

ПУТИ ВЕТРОВ

Пути ветров в глубоком небе тают,
Никто не ведает, их путь каков
И как на небе птица постигает
Пути ветров.

А в океане бешенству валов,
Что тонущие корабли швыряют,
Никто предел поставить не готов.

Пока надежды наши проплывают
По быстрине несущихся годов,
Жизнь и любовь бесстрастно повторяют
Пути ветров.

НА СМЕРТЬ РИХАРДА ВАГНЕРА

I

Мы, живые, скорбим; и когда опускаются тени
И надежды, сомненья и радости тают, как дым,
И когда нам уже не в помощь звуки молений,
Мы, живые, скорбим.

И душа, в которой смешались один с другим
Напевы мрака и света, смертей и рождений,
Онемела, весь мир обескровив уходом своим.

О том, что прибой уже смолкнул в прибрежной пене,
И ветры не воют, покой в небесах нерушим,
И он, громовежец, уснул в замогильной сени,
Мы, живые, скорбим.

II

Великое сердце земли, в котором странные были
В неразрывном единстве форму и суть обрели,
Несет свое бремя, чтоб мы никогда не забыли
Великое сердце земли.

Исчезли дерзанья, что некогда вызвать могли
Ярость морей и огня во всей их неистовой силе, —
Эти дерзанья из мира навеки ушли.

Но они превратились в песню и преобразили
Великим искусством всё, что вблизи и вдали.
Слово и звук навеки для нас сохранили
Великое сердце земли.

ВЕНЕЦИЯ

Из темноты над черною водою
Плывут гондолы, горбятся мосты,
И слышится в лагуне плеск прибоя
Из темноты.

А из окна с дворцовой высоты
Выглядывает вновь лицо живое,
Исполненное строгой красоты.

Мне, мнится, раньше виделось такое.
Но нет — то средь полночной пустоты
Сан-Марко манит грезой колдовскою
Из темноты.

НА ЕВРЕЙСКИЕ ПОГРОМЫ В РОССИИ

О ты, сын человеческий, когда
Обожествляют лживые уста
Тебя, еще не снятого с креста,
Простершись пред тобою без стыда,

И в дымке фимиама навсегда
Твоя святая скрыта нагота,
А тем, кто славит Господа Христа,
Нажиться помогла твоя беда,

И, зло свершая именем твоим,
Они твердят, как ими ты любим, —
Ты видишь ли, что клятвы их — обман?

Так ведаешь ли ты, кого ты спас?
Иль не провидел ты в свой смертный час
Кровавых преступлений христиан?

ADIEUX À MARIE STUART

I

Мария! Вдохновляла ты
Весь наш шотландский край.
Звезда мальчишеской мечты,
Прощай!

Мой род служил твоим отцам,
И я служил тебе.
Твоя звезда сияла нам
В борьбе.

Но после всех былых побед
Теперь нас горе ждет.
И песнь моя во мраке лет
Умрет.

Как солнце, озаряла ты
Меня и весь наш край.
Звезда мальчишеской мечты,
Прощай!

II

Пусть дуют ветры ледяные
И всё окутал мрак,
Ты в памяти у нас, Мария,
Сверкаешь, как маяк.

Он у меня в душе усталой
Горит любви огнем
И освещает обветшалый
Отшельнический дом.

Здесь о тебе в веселом плеске
Ручьи журчат;
Луга, тропинки, перелески
Твой помнят взгляд.

Забудут эльфы все напевы
В родном краю —
Но не Марию, королеву
Свою.

III

Мы все мечтали жизнь отдать,
Чтоб на твоём пути
Цветами мертвыми лежать.
Прости!

Ты слала лучших слуг своих
На смерть за годом год.
Так неужели и мой стих
Умрет?

Ну, что ж! Пусть песне не звучать
Во мраке лет,
За взгляд твой стоило отдать
Весь свет.

Года вовек не скроют тьмой
Твои пути.
Любовь людей всегда с тобой.
Прости!

IV

С тобой для нас мороз зимы
    Был ласков, точно май.
Сказать тебе не в силах мы:
    Прощай!

Чтоб твой один увидеть взгляд,
    Тяжка была награда,
Но было нам других наград
    Не надо.

Коль нас вела ты за собой,
    Мы шли без оговорок.
Навеки взор жестокий твой
    Нам дорог.

Тот, кто из жизни уходил,
    В тебе лишь видя рай,
Земле с восторгом говорил:
    Прощай!

V

Тебя чернят, в хвалу лукаво
    Добавив клеветы,
Твердя, что ни хулы, ни славы,
    Мол, недостойна ты,

Что ни любить, ни ненавидеть
    Ты в жизни не могла:
И как могли мы не увидеть,
    Какою ты была?

Грехи дал Бог — чтоб в нас порою
    Сковать мечты;

Но более, чем чистотою,
Сияла ты.

Мы не за трепетную деву
Дрались в бою,
А за Марию, королеву
Свою.

VI

Тем, кто чернил тебя хвалой,
Их грех ты отпусти.
Любовь прощается с тобой.
Прости!

А тех, кто виноват лишь раз,
Ты можешь не простить.
Но гнев не должен корни в нас
Пустить.

Была им незнакома даль
Твоих очей,
Сверкавших, как литая сталь
Мечей.

Но их накал нас побуждал
На бой идти.
Очей накал, как сталь, сверкал...
Прости!

VII

Ты светом озаряла нас
И весь шотландский край.
Погасла ты, и свет погас.
Прощай!

Мой стих простился, полн тоскою —
Он меркнет, как звезда.
Мой дух — как солнце: он с тобою
Всегда.

Я пел зарю твоих побед
И твой зовущий взгляд,
Что загорелись двадцать лет
Назад.

И вот пришел конец напеву;
Смешались ад и рай.
Мария, наша королева,
Прощай!

Из сборника

«ЛЕТНИЙ ОТДЫХ»
(«Midsummer Holiday», 1884)

НА КРАЮ

В синеве морей бескрайних солнце сеет сотни стрел.
Если б знать, где в океане маяков огни сверкают!
Мы поймем ли то, что в мире вряд ли кто понять
сумел?

Облака клубятся в небе и, как дым курильниц, тают,
И о берег бьют буруны; море — всем мечтам предел.
Вот — Конец Земли пред нами, и за ним,

в дали туманной
Разлилась широкой гладью безграничность океана:
Он не скован берегами, он заполнил целый свет,
Полюса он окружает, омывает он все страны,
И молчит немое море, и ему предела нет.

Паруса, мелькая, гаснут над водой в пустом просторе,
И, мелькая, гаснут чайки средь мерцающих зыбей,
И часы спешащей жизни вдаль бегут, как волны
моря,

Набегают и уходят в бесконечном счете дней,
Неприметны, как пылинки в свете солнечных лучей;
Набегают и уходят с содроганьем и со стоном,
С гордой песней, с горьким плачем, с колокольным
перезвоном.

Кем мы были? Кем мы станем? Мы бессильны дать
ответ.

Все мы смертны — и живем мы по неведомым
законам,

И молчит немое море, и ему предела нет.

И пока росой сонной не смежит нам ночь ресницы,
Не понять нам, в чем был наших сновидений смысл
сокрыт.

Свойств огня мы не узнаем, если он не разгорится,
И золы мы не изучим, если он не догорит.

Не увидеть нам рассвета, если ночь еще летит,
Если утренней прохладой не наполнен свежий воздух
И агатовое небо — всё еще в алмазных звездах.
Наше сердце жаждет риска, по волнам летит

корвет —

Но вдали не видно суши, и далек желанный роздых,
И молчит немое море, и ему предела нет.

Смерть ли правит нашей жизнью? Жизнь ли смертью
управляет?

Ночь и день безмолвны; небо и земля не отвечают.

Чем была и будет вечность? В чем разгадка дней
и лет?

Тишина — и нет ответа; только сердце ритм считает,
И молчит немое море, и ему предела нет.

ЛОРДАМ

Прочь, милорды и лакеи! Срок кончайте свой!
Хватит! Вы уже довольно правили страной.
Так уйдите из Палаты: прочь — и с глаз долой!

Лесть и ложь, дары и деньги, злоба и злорадство,
Преступленья и измены, блуд и ренегатство
Всю империю вручили вашему пиратству.

Нынче многого не стало, жившего в веках,
Привилегиям старинным угрожает крах:
Пусть наследственное право обратится в прах!

Ваше лордство вам досталось от отцов и дедов,
И теперь народ английский, вашу власть изведав,
Содержать уже не хочет знатных дармоедов.

Лицемерием и ложью жили вы всегда,
И дурачила нас ваша подлая орда,
И, казалось, гордый разум сгинул без следа.

Чтоб вредить родному краю больше не могли вы,
Уходите сами, лорды, рыцари наживы,
Что коварны, вероломны, лживы и трусливы.

Мнится вам: на вас не каплет дождик никакой.
Но не ждите, чтоб нагрянул ветер грозовой,
Лучше сами уходите: прочь — и с глаз долой!

ПРИМЕЧАНИЯ

СТИХИ И БАЛЛАДЫ (1866) — первый сборник стихов Суинберна, содержащий 62 стихотворения (о том, как его приняли читатели и критики, — см. предисловие).

Стр. 19. **Гермафродит**. Это — одно из стихотворений сборника «Стихи и баллады», особенно шокировавших и возмущивших критиков Суинберна, обвинявших его в том, что его поэзия вырождается «в воспевание извращений».

Стр. 22. **Anima Anceps**. *Anima anceps* — смятенная (раздвоенная) душа (лат.).

Стр. 24. **Рококо**. Характерное для молодого Суинберна прославление мимолетной внебрачной любви, вызвавшее негодование викторианских критиков.

Рококо — стилевое направление в искусстве, характеризующее театрализованной игрой, изяществом и грациозностью, фривольностью и эротичностью.

В раю таился змей — аллюзия к библейскому рассказу о том, как в райском саду (Эдеме) змей, который «был хитрее всех зверей полевых», обольстил Адама и Еву, уговорив их съесть запретный плод (Бытие, гл. 3).

Стр. 27. **Песня в дни порядка**. Суинберн датировал это стихотворение 1852 годом, т. е., когда поэту было 15 лет. Такая датировка вызывает сомнение. Стихотворение впервые было напечатано в журнале «Спектейтор» 24 апреля 1862 года.

Бонапарта мы вздернем на фок — имеется в виду император Франции Наполеон III, которого Суинберн (справедливо) считал предателем и тираном.

От кайеннских до венских владык — то есть, самодержавных императоров Франции и Австрии. **Кайенна** — столица французской Гвианы, которая была для Франции местом ссылки и каторги с 1854 по 1938 гг.

Стр. 29. **Песня в дни революции**. Написано, по-видимому, одновременно с «Песней в дни порядка» и впервые

напечатано в том же «Спектейторе» 28 июня 1862 года.

Стр. 32. Сад Прозерпины. Одно из самых популярных стихотворений Суинберна, обычно включаемых во все антологии английской поэзии. Суинберн писал, что в этом стихотворении он «намеревался уловить полное прекращение страсти и мысли, когда дух, не опасаясь ни добра, ни зла и не надеясь на них, жаждет вкусить только абсолютный сон».

Прозерпина — в древнеримской мифологии богиня плодородия и царства мертвых (в древнегреческой мифологии — Персефона).

Стр. 35. Ингерлюдия. *Эол* — в древнегреческой мифологии повелитель ветров.

Стр. 37. Одиннадцатисложник. Стихотворение написано традиционным для античной поэзии одиннадцатисложным хореем — т. н. «Фалековым стихом», который изобрел древнегреческий поэт Фалек (IV век до н. э.). Фалековым одиннадцатисложником также часто пользовался один из любимцев Суинберна — древнеримский поэт Валерий Катулл (87–57 до н. э.) — напр., в стихотворении «Будем, Лесбия, жить, любя друг друга...».

Стр. 39. Сапфические строфы. Стихотворение написано одной из традиционных форм античной метрики — т. н. «сапфической строфой» (с 11-сложным смещением анапеста и амфибрахия), изобретенной древнегреческой поэтессой Сапфо (или Сафо), жившей на острове Лесбос в VII–VI веках до н. э. (напр., «Близ луны прекрасной тускнеют звезды...»). Суинберн считал Сапфо «одним из величайших поэтов в истории». Сапфической строфой пользовались и древнеримские поэты — в том числе тот же Катулл (напр., «Фурий, ты готов и Аврелий тоже...»). Как и «Одиннадцатисложник», это стихотворение, по образцу древнегреческой поэзии, лишено рифм.

Афродита — в древнегреческой мифологии богиня любви (в древнеримской мифологии — Венера).

Без сандалий и без ремешка на прядях. — На одной из самых известных статуй Афродиты — «Афродите из Арля» работы Праксителя (390–330 до н. э.) — Афродита изображена в сандалиях и с ремешком, перехватывающим волосы.

Митилена — столица острова Лесбос, где жила Сапфо.

Хариты — в древнегреческой мифологии три богини

доброты, красоты и радости (в древнеримской мифологии — грации).

Музы — в древнегреческой мифологии девять богинь поэзии, театра, искусств и наук, спутницы бога искусств Аполлона.

Лесбиянки — то есть, жительницы Лесбоса. Сапфо возглавляла на Лесбосе поэтическую школу и посвятила многие песни своим ученицам, прославляя их красоту и любовь друг к другу. Это послужило основанием для легенды о том, что Сапфо и поэтессы Лесбоса культивировали однополюе любовные связи (отсюда выражение «лесбийская любовь» и второе значение слова «лесбиянки» — женщины, испытывающие половое влечение к другим женщинам). Эту неподтвержденную легенду Суинберн принимает на веру в своем стихотворении.

Лета — в древнегреческой мифологии река забвения: выпив ее воды, души умерших забывают свою прежнюю земную жизнь.

Стр. 42. **Любовь и сон.** Этот сонет посвящен Джейн Фолкнер, с которой у поэта в 1862 году была получившая огласку связь. Впоследствии Суинберн писал, что Джейн Фолкнер была единственной женщиной, которую он когда-либо по-настоящему любил.

Нектар — в древнегреческой мифологии напиток богов, дающий им вечную жизнь.

ПРЕДРАССВЕТНЫЕ ПЕСНИ (1871) — сборник содержит в основном гражданскую лирику, отчасти внушенную кумиром и другом поэта — итальянским революционером Джузеппе Мадзини (см. предисловие).

Стр. 45. **Во мраке ночном.** — Здесь Суинберн в иносказательной форме характеризует политическое положение в Европе, протестует против тирании и угнетения.

Стр. 52. **Перед распятием.** На основании этого стихотворения как советские, так и английские критики нередко в первом случае хвалили, а во втором — обвиняли Суинберна в атеизме. Однако по-моему, это одобрение или обвинение безосновательно: образ распятого Христа поэт использует для разоблачения церкви и европейских правителей.

Весталки — в древнем Риме жрицы в храме Весты — богини домашнего очага; должны были служить в храме 30 лет, сохраняя девственность.

И меч, что Петр посмел поднять... (здесь и далее — аллюзии к евангельским эпизодам). — Когда Иисус был арестован стражниками Храма, апостол Петр, «имея меч, извлек его и ударил первосвященникова раба <...> Но Иисус сказал Петру: вложи меч в ножны» (Евангелие от Иоанна, гл. 18, ст. 10).

И камень скрыл твою могилу. — Когда умерший Иисус был снят с креста, он был похоронен в пещере, высеченной в скале, и ко входу в пещеру был привален камень (Евангелие от Матфея, гл. 27, ст. 60; от Марка, гл. 15, ст. 46).

На палке тычут губку с ядом. — Когда Иисус, распятый на кресте, попросил пить, кто-то, стоявший перед крестом, взял губку, пропитал ее уксусом и, «наложив на трость, давал Ему пить» (Евангелие от Матфея, гл. 27, ст. 48; от Марка; гл. 15, ст. 36). В Евангелии от Иоанна это делает римский воин (гл. 19, ст. 29).

И мечут кости меж собой, Кто заберет твой плащ святой. — Когда Иисус был распят, римские воины, распявшие Его, «делили одежды Его, бросая жребий» (Евангелие от Матфея, гл. 27, ст. 35; от Марка, гл. 15, ст. 24; от Луки, гл. 23, ст. 34; от Иоанна, гл. 19, ст. 23–24).

Как Лазарь, поднимись. — Среди чудес, сотворенных Иисусом, было то, что он «вызвал из гроба Лазаря и воскресил его из мертвых» (Евангелие от Иоанна, гл. 12, ст. 17).

Стр. 59. *Уолту Уитмену в Америку.* Когда американский поэт Уолт Уитмен (1819–1892) в 1855 году опубликовал свой сборник стихов «Листья травы», где утвердил в англоязычной поэзии свободный стих, Суинберн был одним из немногих литераторов, высоко оценивших этот сборник; в очерке «О выборе тем» (1872) он назвал Уитмена «первым поэтом Америки». По-моему, стихотворение «Уолту Уитмену в Америку» (в отличие от «Перед распятием») действительно можно считать атеистическим.

Распятый страдалец, приговоренный толпой. — Когда римский прокуратор Понтий Пилат судил Иисуса, он желал узнать мнение народа, и жители Иерусалима, возбужденные иудейскими старейшинами, потребовали казни Иисуса (Евангелие от Матфея, гл. 27, ст. 20–22; от Марка, гл.

15, ст. 10–13; от Луки, гл. 23, ст. 20–23; от Иоанна, гл. 18, ст. 39–40).

Стр. 64. «**Non Dolet**». *Non dolet* — не больно (лат.). По преданию, эти слова произнесла римлянка Лукреция, жена всадника Коллатина, когда она закололась от стыда, что ее изнасиловал Секст Тарквиний, сын царя Люция Тарквиния (правил в 534–509 до н.э.). Изнасилование Лукреции привело к восстанию, свергнувшему Тарквиния и установившему в Риме республику. Стихотворение Суинберна было написано в разгар национально-освободительного движения в Италии.

СТИХИ И БАЛЛАДЫ, 2-я серия (1878) — этот сборник знаменует почти полный отказ Суинберна от гражданских тем и возвращение к пейзажной, любовной, философской лирике, сродни 1-й серии «Стихов и баллад». Сюда поэт включил также свои переводы 11 стихотворений Вийона, один перевод из Гюго и несколько стихотворений, написанных им на французском языке и на латыни.

Стр. 67. **Покинутый сад**. Как и «Сад Прозерпины», это одно из самых известных и хрестоматийных стихотворений Суинберна. Есть сведения, что оно навеяно картиной заброшенного сада на острове Уайт (конечно, гиперболизированной).

Стр. 70. **Ex Voto**. *Ex voto* — по обету (лат.).

О море, я — твой сын! — Эта строка, как и все стихотворение, отражает одержимость Суинберна морем, зародившуюся у него еще в раннем детстве, которое он провел на острове Уайт. В стихотворении «*Thalassius*» (рожденный морем, греч.) поэт назвал себя «сыном Аполлона и nereиды Кимотои» (в древнегреческой мифологии nereиды — морские богини, дочери морского божества Нерея и океаниды Дориды).

Стр. 74. **Прощание**. Еще одно «языческое» прославление мимолетной внебрачной любви.

ОПЫТЫ ПЕСЕН (1880) — этот небольшой сборник (13 стихотворений), как и «Предрассветные песни», содержит в основном стихи, посвященные темам обличения ев-

ропейской реакции — в частности, русского самодержавия, а также пейзажную лирику и перевод хора из комедии Аристофана «Птицы».

Стр. 76. **Четырнадцатое июля (Виктору Гюго).** Стихотворение было написано после того, как 3 июля 1880 года великий французский писатель, кумир Суинберна Виктор Гюго (1802–1885), выступая перед членами французского Сената, призвал объявить амнистию выжившим членам Парижской коммуны 1870 года, жившим тогда в эмиграции. Это предложение было Сенатом отвергнуто.

Чтя ссыльного поэта-бунтаря. — В период правления Наполеона III — с 1851 по 1871 год — Гюго жил в изгнании в Англии (на островах Джерси и Гернси).

Стр. 77. **На спуск «Ливадии».** Яхта «Ливадия» была построена на верфи в Глазго по заказу русского царя Александра II и спущена на воду 7 июля 1880 года. Это было тогда самое большое и самое роскошное пассажирское судно в мире. Кстати, по пути из Глазго в Черное море яхта попала в шторм у берегов Португалии и чуть не затонула: выявились изъяны в конструкции. В сентябре «Ливадия» прибыла в Севастополь. Дальнейшая судьба яхты сложилась невесело. 1 марта 1881 года, за день до того, как Александр II собирался выехать в Севастополь, чтобы совершить свое первое плавание на «Ливадии», он был убит террористами в Петербурге. Его наследник царь Александр III счел это плохим предзнаменованием и решил, что плавать на «Ливадии» будет опасно. Позднее с яхты сняли всё ее роскошное оснащение, ее машины перенесли на другие суда, и она стала баржей для перевозки угля на Черном море. В 1927 году «Ливадию» разобрали на железный лом.

Где целый край стал для людей тюрьмой — имеется в виду Россия.

СТОЛЕТИЕ РОНДЕЛЕЙ (1880) — рондели составляют большинство стихов этого сборника, однако сюда включены и стихи других поэтических форм.

Рондель (франц. rondel, от rond — круглый) — форма 13-строчного стихотворения, состоящего из трех строф и построенного на двух рифмах. В классическом французском

ронделе первые 2 строки повторяются в конце 2-й строфы, а последняя строка повторяет 1-ю строку. Суинберн разработал собственную форму ронделя, состоящего из 11 строк (со схемой рифм abab bab abab), где в 4-й и в 11-й строке повторяется не вся 1-я строка, а лишь ее начальная часть.

Стр. 82. На смерть Рихарда Вагнера. Великий немецкий композитор Рихард Вагнер (1813–1883) был одним из любимых композиторов Суинберна.

Слово и звук навеки для нас сохранили... — Вагнер сам писал тексты либретто всех своих опер.

И он, громовец, уснул... — Музыка Вагнера отличается огромной экспрессивностью и необыкновенной мощью; Вагнер придавал очень большое значение оркестру. Венский музыкальный критик Эдуард Ханслик (1825–1904) сказал, что «музыка Вагнера признаёт лишь превосходную степень», а Оскар Уайльд (1854–1900) в своей иронической манере заметил, что «музыка Вагнера — такая громкая, что, когда ее исполняют, можно спокойно разговаривать, не опасаясь, что вас услышат».

Борей — в древнегреческой мифологии бог северного ветра.

Лета — см. примечание к стихотворению «Сапфические строфы».

Стр. 84. Венеция. Сан-Марко — площадь Святого Марка, главная площадь Венеции.

Стр. 85. На еврейские погромы в России. Имеется в виду волна еврейских погромов, прокатившихся по югу России — по Новороссии и Украине — после убийства террористами царя Александра II. Полиция и войска нередко безучастно наблюдали за погромами, а к изредка привлеченным к ответственности погромщикам суды относились крайне снисходительно. Сведения об этом широко распространялись в западной печати и вызывали у европейцев (в том числе и у Суинберна) резко отрицательное отношение к России.

Стр. 86. Adieux à Marie Stuart. Стихотворение написано от лица одного из придворных шотландской королевы Марии Стюарт (1542–1587), свергнутой с престола в 1567 году и казненной в Англии 20 лет спустя, — возможно, от лица Пьера де Шастеляра (1540–1564) — героя первой трагедии из драматической трилогии Суинберна о Марии Стюарт (см.

предисловие).

Adieux à Marie Stuart — прощание с Марией Стюарт (франц.).

ЛЕТНИЙ ОТДЫХ (1884). Название сборника («Midsummer Holiday») по-английски буквально означает «выходной день в середине лета»; середина лета для англичан означает то, что по-русски называется «Иванов день» (24 июня). Я решил отказаться от перевода слова «Midsummer» как «Иванов день», чтобы избежать излишней русификации английского названия (хотя у В. А. Жуковского, в переводе баллады сэра Вальтера Скотта, мы читаем: «Накануне Иванова дня», и сама эта баллада в его переводе называется «Замок Смальгольм, или Иванов вечер»; но сейчас у нас, в сравнении с началом XIX века, другие критерии перевода: недаром название комедии Шекспира «A Midsummer Night's Dream», действие которой происходит в ночь накануне Иванова дня, разумно переведено Т. Л. Щепкиной-Куперник как «Сон в летнюю ночь»).

Стр. 94. Лордам. Суинберновское требование роспуска Палаты лордов, тогда целиком состоявшей из потомственных аристократов, вполне соответствовало духу времени. В 1880-е годы, когда Суинберн писал это стихотворение, в Англии шла борьба за избирательную реформу, которой добивался премьер-министр Гладстон, а Палата лордов ее тормозила, и британцы были настроены резко против Палаты лордов. Уже в наше время дело, за которое ратовал Суинберн, довершил нынешний британский премьер-министр Тони Блэр, лишивший наследственных аристократов права заседать в Палате лордов.

СОДЕРЖАНИЕ

Из сборника **«СТИХИ И БАЛЛАДЫ»**
(«Poems and Ballads», 1866)

Гермафродит	19
Анима Апсерс	22
Рококо	24
Песня в дни порядка, 1852	27
Песня в дни революции, 1860	29
Сад Прозерпины	32
Интерлюдия	35
Одиннадцатисложник	37
Сапфические строфы	39
Любовь и сон	42

Из сборника **«ПРЕДРАССВЕТНЫЕ ПЕСНИ»**
(«Songs before Sunrise», 1871)

Во мраке ночном	45
Перед распятием	52
Уолту Уитмену в Америку	59
Non Dolet	64

Из сборника **«СТИХИ И БАЛЛАДЫ, 2-Я СЕРИЯ»**
(«Poems and Ballads, 2nd Series», 1878)

Покинутый сад	67
Ex Voto	70
Прощание	74

Из сборника **«ОПЫТЫ ПЕСЕН»**
(«Studies in Song», 1880)

Четырнадцатое июля (Виктору Гюго)	76
На спуск «Ливадии» (30 сентября 1880 г.)	77

Из сборника «СТОЛЕТИЕ РОНДЕЛЕЙ»
(«A Century of Roundels», 1883)

Пути ветров	81
На смерть Рихарда Вагнера	82
Венеция	84
На еврейские погромы в России.	85
Adieux à Marie Stuart	86

Из сборника «ЛЕТНИЙ ОТДЫХ»
(«Midsummer Holiday», 1884)

На краю	92
Лордам	94
Примечания	95

С 56

Суинберн Алджернон Ч. Сад Прозерпины: стихи.
Перевод, предисловие и примечания Г. Бена. — СПб.:
Изд-во «Пушкинского фонда», 2003. — 104 с.

ISBN 5-89803-109-X

ББК 84. Р7

Суинберн Алджернон Чарлз

Сад Прозерпины

Изд-во «Пушкинского фонда», Санкт-Петербург, 2003

ЛР № 071541 от 21 ноября 1997 года

Издательство «Пушкинского фонда»

191186, Санкт-Петербург, Набережная р. Мойки, 12

Тираж 1000. Заказ 113.

Отпечатано в типографии ООО «ИПК «Бионт»»

199026, Санкт-Петербург, Средний пр. ВО., д. 86,

тел. (812) 322-68-43

